

3. Про ставки вивізного (експортного) мита на насіння деяких видів олійних культур : Закон України від 10.09.1999 № 1033-XIV // Відомості Верховної Ради України. – 1999. – № 44. – Ст. 389.

4. Про вивізне (експортне) мито на живу худобу та шкіряну сировину : Закон України від 07.05.1996 № 180/96-ВР // Відомості Верховної Ради України. – 1996. – № 28. – Ст. 134.

5. Про вивізне (експортне) мито на відходи та брухт чорних металів : Закон України від 24.10.2002 № 216-IV // Відомості Верховної Ради України. – 2003. – № 1. – Ст. 1.

6. Про ставки вивізного (експортного) мита на брухт легованих чорних металів, брухт кольорових металів та напівфабрикати з їх використанням : Закон України від 13.12.2006 № 441-V // Відомості Верховної Ради України. – 2007. – № 9. – Ст. 413. – Ст. 73.

7. Про внесення змін до деяких законодавчих актів України (експортне мито на газ, див. пункт 9 Прикінцевих положень (розділ II) : Закон України від 03.06.2008 № 309-VI // Відомості Верховної Ради України. – 2008. – № 27–28. – С. 700. – Ст. 253.

8. Про захист національного товаровиробника від демпінгового імпорту : Закон України від 22.12.1998 № 330-XIV // Відомості Верховної Ради України. – 1999. – № 12. – Ст. 97.

9. Про захист національного товаровиробника від субсидованого імпорту : Закон України від 22.12.1998 № 331-XIV // Відомості Верховної Ради України. – 1999. – № 12–13. – Ст. 80.

10. Про застосування спеціальних заходів щодо імпорту в Україну : Закон України від 22.12.1998 № 332-XIV // Відомості Верховної Ради України. – 1999. – № 11. – Ст. 78.

11. Угода про застосування Статті VI Генеральної угоди з тарифів та торгівлі 1994 р. // Офіційний вісник України. – 2010. – № 84. – Ст. 2989.

12. Угода про субсидії і компенсаційні заходи // Офіційний вісник України. – 2010. – № 84. – Ст. 2989.

13. Угода про захисні заходи // Офіційний вісник України. – 2010. – № 84. – Ст. 2989.

ПРИЗНАКИ И ДЕТЕРМИНИРУЮЩИЕ ФАКТОРЫ ФЕМИНИЗАЦИИ ТРАНСГРАНИЧНОГО ТЕРРОРИЗМА

Станислав ФИЛИППОВ,

кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Национальной академии Государственной пограничной службы Украины

Summary

The article presents the results of the research feminization trend of cross-border terrorism, it refers to: increasing of the quantity and level of participation of women in terrorist and extremist organizations of the world; an unusually large proportion of women in suicide terrorism, active legitimization of which is performed equally both through religious fanaticism, and secular ideology; successful recruitment and further radicalization of young women through social networks that makes these activities large-scale and remotely operable. Obviously, the essence of the counteraction mechanism of involving women into cross-border terrorist activities includes a complex counterterrorism practices, considering even those international institutions in which Ukraine for various reasons is not participating (including GCTF).

Key words: cross-border crime, terrorism, Foreign terrorist fighters, Global Counterterrorism Forum, feminization.

Аннотация

В статье приведены данные исследования тенденций феминизации трансграничного терроризма, в частности увеличение количественного состава и уровня активности женщин в террористических и экстремистских организациях мира; значительной доли женщин в суицидальном терроризме, легитимизация которого осуществляется одинаково активно посредством как религиозного фанатизма, так и светских идеологий; успешности рекрутинга и дальнейшей радикализации молодых женщин через социальные сети, что обуславливает массовость и дистанционность такой деятельности. Обосновывается необходимость заимствования субъектами противодействия терроризма в Украине передовых практик тех контртеррористических международных организаций, в деятельности которых Украина участия не принимает.

Ключевые слова: трансграничная преступность, терроризм, иностранные террористические бойцы, Глобальный контртеррористический форум, феминизация.

Постановка проблемы. Террористические организации всегда привлекали женщин к своей деятельности. В то же время изменение форм и масштабов такого участия, наблюдаемые в последние годы, требует тщательного изучения, принятия новых решений и адекватного реагирования. Учитывая это, представляется необходимым направление усилий криминологии на исследование детерминации, динамики, особенностей феминизации терроризма.

Упреждающая деятельность в Украине с целью предотвращения различных проявлений террористической активности крайне важна, учитывая негативный опыт превентивной анти-террористической деятельности специальных служб и правоохранительных органов ряда европейских государств, что привело к террористическим актам в Париже, Брюсселе и Берлине в течение 2015–2016 гг. [1, с. 22].

Трансграничные формы экстремистской и террористической деятельности имеют особо опасный характер. Привлечение к совершению террористических актов женщин объективно уменьшает степень эффективности деятельности по пресечению таких преступлений. Практическое выполнение превентивных мероприятий должно учитывать дополнительные риски, связанные с возможностью участия женщин, с чем связана необходимость поддержания надлежащего уровня готовности широкого круга субъектов борьбы с терроризмом к оперативному реагированию на новые угрозы.

Актуальность темы. Противодействие терроризму традиционно является проблемным полем междисциплинарных исследований. В свою очередь, общая проблема преступности женщин довольно активно изучается криминологами, социологами, политологами

и психологами. В частности, институциональная система международного противодействия терроризму является предметом исследований, проводившихся Владимиром Антипенко. Классикой криминологии уже считаются труды Юрия Антоняна, посвященные исследованию терроризма. Работа Erin Marie Saltman и Melanie Smith касается участия женщин (в том числе из стран Запада) в террористической деятельности «Исламского государства» (Daesh). Значительным по объему фактологическим материалом (основанном, в частности, на опыте стран СНГ) и интересными выводами отличается монография болгарской исследовательницы Татьяны Дронзиной. Участие женщин в террористической деятельности в США является предметом исследования Amanda Third. Суицидальный женский терроризм исследовала Julie Rajan. Ключ к пониманию уголовно-правовых и криминологических аспектов женской преступности в Украине дает нам анализ диссертаций Аллы Благой, Раисы Перелыгиной, Виктории Федусик и др. исследовательниц. Подробный анализ особенностей террористических актов, совершенных смертницами-террористками проведен в основательной работе Lindsey O'Rourke. Привлечение женщин к терроризму с целью достижения политических целей является предметом диссертационного исследования Марии Адамовой. Мотивационные предпосылки радикализации женщин исследовала Cindy D. Ness. Вместе с тем в последние годы наблюдаются новые детерминирующие факторы феминизации терроризма, появились новые обстоятельства, подлежащие учету в практической деятельности субъектов предупреждения этого явления.

Исходя из вышеизложенного, целью статьи является выявление детерминирующих факторов феминизации терроризма, а также особенностей противодействия вовлечению женщин в трансграничную террористическую деятельность.

Изложение основного материала исследования. Об актуальности проблемы, указанной в теме публикации, свидетельствуют следующие гендерные тенденции, по сути, признаки актуализации роли женщин в террористической деятельности:

– увеличение количественного состава и уровня активности женщин в

террористических и экстремистских организациях мира, известных своей трансграничной преступной деятельностью: Daesh («ДАИШ», «ISIS»), Boko Haram («Боко Харам»), Al-Qaeda («Аль-Кайеда»), HSM («Харакат-Аш-Шабааб») и др;

– значительная доля женщин в суицидальном терроризме, легитимизация которого осуществляется одинаково активно как посредством религиозного фанатизма, так и через светские идеологии. Например, в 2014 г. зафиксированы 26 суицидальных террористических актов по сравнению с 27 подобными преступлениями по состоянию на май 2015 г. По меньшей мере, в 75% таких случаев нападения совершены женщинами и детьми [2, с. 15];

– успешность рекрутинга и дальнейшей радикализации молодых женщин через социальные сети, обеспечивающих массовость и дистанцированность такой деятельности.

Совокупность этих признаков позволяет нам констатировать процесс относительной феминизации терроризма, в частности его трансграничной формы, который происходит в последние годы. Феминизацией терроризма мы называем увеличение количества женщин в террористических организациях и (что не менее важно) интенсификацию их участия в террористических актах и других формах террористической активности.

На уровне авторитетных международных организаций уже не первый год выражается обеспокоенность указанной угрозой. Анализ источников [2–7] дает нам основания констатировать застарелость определенных гендерных стереотипов. В частности, следует признать устаревшим традиционный дискурс, представляющий террористов-женщин в виде жертв, а не преступников. К примеру, такой подход видим в документе ОБСЕ 2004 г., которым признается «проблема эксплуатации женщин террористами, использующих их в своих целях и для пропаганды экстремистской идеологии» [3]. На самом деле роль женщин и уровень их активности могут быть разными: от пропаганды и оказания моральной поддержки террористам, ведения разведки, создания тайников и до роли вербовщиц, инструкторов, сборщиц средств. Наибольшей общественной опасностью характеризуются роли исполнителей актов суицидального тер-

роризма. Например, в Нигерии количество и интенсивность террористических нападений, совершенных женщинами и даже несовершеннолетними девочками, резко увеличились с 2015 г. На территории Сирийской Арабской Республики женские подразделения группировок Daesh и HSM проходят подготовку с целью усвоения методов установления контроля над другими женщинами, методов допроса и наблюдения за ними. При этом последняя из указанных группировок побуждает родителей отправлять девушек для ведения непосредственных боевых действий вместе с мужчинами [2, с. 14].

В частности, есть многочисленные свидетельства (мы ссылаемся на один из приводящих их источников) о том, что по состоянию на 2015 год только на территории, контролируемой Daesh, с разными целями, но по своей воле находятся 550 европейских женщин [5, с. 4]. Есть основания считать, что это радикализованные женщины, прибывшие в «халифат» не только с романтической целью. Очень большой процент женщин среди зафиксированных иностранных боевиков-террористов в таких странах, как Сербия (39%), Норвегия (30%), Франция (29%), Малайзия, Кыргызстан, Бельгия (по 20%). Нам не известна методика подсчета, но эти сведения содержатся в докладе Комитета Совета Безопасности ООН, учрежденного в соответствии с резолюцией о борьбе с терроризмом [2, с. 15].

Террористические организации активно используют женщин во время совершения терактов. Особенно много их было в период функционирования таких организаций, как «Тигры освобождения Тамил Илама» в Шри-Ланке (до 2009 г.) или «Революционные Вооруженные Силы Колумбии» [6].

В начале 1970-х гг. была создана одна из самых известных своей террористической деятельностью группировок «Красная армия Японии» (далее – КАЯ). Возглавила его Фусако Сигенобу. География террористической активности КАЯ распространилась от Парижа до Куала-Лумпура. Участники организации тренировались в Палестине, в Джакарте из минометов обстреляли посольство Японии и США, в Гааге штурмовали французское посольство, в Бомбее захватили самолет [7, с. 65]. Так что нет оснований недооценивать активную роль женщин в террористических организациях. Тем

более, есть примеры их успешной трансформации в политиков. К примеру, активистка народного Фронта освобождения Палестины Лейла Халед, известная на Арабском Востоке, вошла в состав руководства Палестинского национального совета. А начинала она в 1970 г. в составе группы, захватившей четыре самолета Британской, Швейцарской, Израильской и Американской компаний с требованием освобождения палестинцев, отбывающих наказание в израильских и британских тюрьмах [7, с. 66].

Второй распространенный в научных и публицистических источниках стереотип – женщины совершают суицидальные террористические акты «не по своей воле, а в результате давления и психологической обработки» [6, с. 110] или даже «психотропной обработки» [10]. Такой подход формирует стереотип о террористке, лишенной разума, почти невменяемой. Так ли это? С начала 1980-х гг. до конца 2005 г. суицидальные атаки были осуществлены в Афганистане, Аргентине, Великобритании, Египте, Индии, Индонезии, Ираке, Израиле, Кении, Ливане, Марокко, Пакистане, России, Саудовской Аравии, Шри-Ланке, Тунисе, Танзании, Турции, Хорватии, США, Узбекистане, на Западном берегу и секторе Газа, в Йемене [9, с. 682]. Как указано в докладе «Террористические и суицидальные атаки», подготовленном в 2003 г. для Конгресса США, они составили 3% из всех террористических миссий, но причинили почти половину всех потерь (смертельных случаев) [8, с. 59]. К наиболее известным терактам, совершенным женщинами, например, относится убийство Раджива Ганди тамилкой-смертницей из организации ЛТТЕ в 1991 г., побуждаемой мотивами борьбы за независимость тамильского государства на территории Шри-Ланки. Или подрыв в отеле в Иордании в 2005 г., осуществленный смертницей Аль-Кайеды Sajida al-Rishawi. Как видим, легитимизация терроризма осуществляется одинаково активно как через религиозный фанатизм, так и через светские идеологии.

Известно, что в 2010 г. тогдашний лидер иракской части Daesh Abu Omar al-Baghdadi выступил с заявлением о том, что женщины не должны быть смертницами. Однако привлечение женщин-смертниц к совершению террористических актов (женский суицидальный терроризм – female suicide terrorism (FST)),

с точки зрения их организаторов, имеет ряд очевидных преимуществ. Как правило, это связано с более объемной, чем у мужчин, одеждой, позволяющей скрыть взрывчатку. Кроме того, женщина может быть беременной, что обуславливает лояльное поведение сотрудников правоохранительных органов и специальных служб. В результате, в среднем террористки-смертницы одним действием убивают больше людей, чем мужчины-террористы [9].

Анализ источников [5–11] позволяет утверждать, что мотивы участия женщин в террористической деятельности в целом и FST частности можно обобщить, классифицировав их по двум группам. К первой группе относятся объяснения, которые исходят из того, что женщины в силу разных предпосылок (особенности психоэмоциональной сферы, желание заработать) самостоятельно сделали выбор в пользу террористической деятельности. Вторую группу составляют мотивы принудительного вступления женщин в террористические организации (шантаж, прямое принуждение человека, религиозного лидера, манипуляции желанием отомстить за смерть близкого человека) [6–9].

В то же время, согласно результатам исследования Энн Спекхард (Anne Speckhard) и др., все террористки-смертницы разделяли взгляды воинствующих ваххабитов на момент совершения террористических действий, то есть вполне сознательно воспринимали цель готовящегося преступления [11, с. 68]. Кроме того, современные исследования свидетельствуют о том, что не следует преувеличивать значение таких факторов индивидуального суицидального террористического выбора, как социально-демографические характеристики (возраст, семейное положение, профессия, происхождение), а также религиозность. Как отмечает Т. Донзина, суицидальному терроризму больше подвержены женщины, ставшие в результате конфликта жертвами социальной стигмы в рамках своего сообщества из-за деяний или состояний, не одобряемых этим сообществом. Однако публично озвученные мотивы существенно отличаются от личных. Таким образом, суицидальный акт можно рассматривать как вполне рациональный поступок, так как он направлен на достижение последнего личного блага – идентичности [8, с. 225–226].

С третьей сформулированной нами тенденцией – успешностью дистанционного рекрутинга и последующей радикализацией молодых женщин через социальные сети, связана контраргументация относительно очередного стереотипа – террористками являются преимущественно женщины, изначально имеющие признаки принадлежности к исламу. На самом деле интернациональную природу этого явления подтверждает массовое привлечение женщин из Европы к движению Daesh. Сотни завербованных женщин европейской внешности могут радикализироваться вплоть до участия в совершении FST. Широко известными стали два случая. Первый из них – задержание российской студентки Варвары Карауловой при подготовке к пересечению турецко-сирийской границы в 2015 г., позже осужденной на 4,5 года лишения свободы по обвинению в попытке присоединиться к подразделению Daesh «Бадр», готовящему смертников. Другой случай положен в основу сюжета публицистической книги профессора Джорджтаунского университета Энн Спекхард «Невесты ИГИЛ». Книга подготовлена на материалах реального дела Шеннон Морин Конли – 19-летней медсестры из Колорадо, арестованной ФБР в 2014 г., которая через социальную сеть поддерживала связь с сирийским экстремистом, в результате чего приняла решение выехать в Сирию для участия в джихаде [12].

Как видим, возможным является эффективное дистанционное радикализирующее влияние на молодых женщин, которое можно рассматривать как новый элемент технологии террористической деятельности в современном мире. Очевидно, что их психологической обработке нужно противопоставить зеркальные средства психологического воздействия через аналогичные каналы: сообщества в социальных сетях, целенаправленное воздействие на молодых женщин со стороны лиц, относящихся к референтным для них группам. Именно в этом направлении необходимо прилагать усилия по предотвращению вовлечения в террористическую деятельность новых женщин.

Проблема предотвращения терроризма среди женщин актуальна и для пограничных служб различных государств, что объясняется следующими аргументами.

Во-первых, специализированными международными организациями по противодействию терроризму особое внимание уделяется выявлению во время возвращения в страны происхождения т. н. «иностранных террористических бойцов» (FTF – распространяемая в международной практике аббревиатура). Не последнее место в этом деле принадлежит пограничным службам. В 2016 г. Государственная пограничная служба Украины обеспечила подключение 123 пунктов пропуска к базам данных Интерпола, что гарантирует применение этих баз с указанной целью.

Во-вторых, на уровне рекомендаций Совета безопасности ООН указано: «Государства должны обеспечить обучение сотрудников пограничных органов оценке рисков на основе фактических данных, с учетом конкретных вопросов по проведению бесед с женщинами и девушками. Государства также должны увеличивать количественный состав женщин в органах безопасности и повышать уровень осведомленности специалистов по конкретным вопросам, касающимся женщин-сторонниц воинствующего экстремизма» [2].

Очевидно, что субъектам противодействия терроризму в Украине следует заимствовать передовые контртеррористические практики даже тех международных институций, в которых Украина не участвует. К ним относится, к примеру, Инициатива пограничной безопасности (BSI), созданная с целью эффективного пограничного сотрудничества в контексте борьбы с терроризмом Антитеррористическим Центром ООН (UNCCT) совместно с Глобальным контртеррористическим форумом (GCTF). Также целесообразно присоединиться к возможностям GCTF (Глобального контртеррористического форума, Украина не входит в состав 30 стран его участниц) с целью разработки и внедрения практических инициатив в сфере противодействия потока FTF и сложных вопросов, связанных с их возвращением в страны происхождения. В Гаагско-марракешском меморандуме GCTF добросовестной практики эффективного реагирования на феномен FTF отмечается: «Лица, которые предположительно могут стать целевой аудиторией вербовки, должны быть в центре внимания при разработке программ противодействия. Следует из-

учать возможность непрерывного взаимодействия с ... женщинами ... обеспечивая им релевантное и оперативное обучение по вопросам противопоставления дискурсу экстремизма» [5].

Выводы. Таким образом, на современном этапе интернационализации преступности участие женщин в террористической деятельности приобретает новые формы. С целью успешной реализации соответствующих превентивных программ, следует учесть следующие факторы феминизации терроризма:

1. Мотивы, по которым женщины попадают в террористические организации, достаточно разнообразны. Упрощенным и неверным является подход к этим мотивам только как модификаций «Невест ИГИЛ» или подход, основанный на презумпции психологического давления на женщин. Деятельность каждой из них полимотивирована, базируется на личных мотивах и может быть не лишена влияния как религиозной, так и светской идеологии.

2. Женщины активно дистанционно вербуются через социальные сети, что является новым элементом технологии террористической деятельности в современном мире.

3. Психологической обработке женщин необходимо противопоставить средства контрэкстремистской пропаганды через аналогичные каналы. Акцент следует делать на трудностях повседневной жизни для женщин, которые согласились участвовать в экстремистских организациях.

4. Также необходимо работать над преодолением гендерных стереотипов о том, что женщины могут быть скорее объектом, а не субъектом насилия, и изменением дискурса, представляющего террористов-смертниц в виде жертв («черная вдова»), а не преступников.

5. В случаях терроризма, легитимированного религией, целесообразна поддержка умеренных течений в религии, которые противопоставляются фанатичным интерпретациям религиозных верований.

6. Следует выполнять рекомендации Совета безопасности ООН по обучению сотрудников пограничных органов оценке рисков с учетом конкретных вопросов, касающихся женщин-сторонниц воинствующего экстремизма.

7. Необходимо в полной мере использовать возможности баз данных

Интерпола на пунктах пропуска через госграницу с целью выявления во время возвращения в страны происхождения т. н. FTF.

Подытоживая, заметим, что изложенные соображения по криминологическим основам противодействия феминизации терроризма не стоит рассматривать как окончательные и совершенные. Они являются приглашением к широкой междисциплинарной дискуссии с целью наработки практических рекомендаций субъектам борьбы с терроризмом и привлечению к этой борьбе максимального круга институтов гражданского общества.

Список использованной литературы:

1. Filippov S. Dynamics and Geographical Distinctions of Crime connected with Migrants' Moving to Europe on Different Routes / S. Filippov / NATO Science for Peace and Security Series – E: Human and Societal Dynamics. Editors R. Keşek at al. – 2016. Amsterdam : IOS Press. – Volume 129. – P. 21–27. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://scholar.google.com.ua/scholar?oi=bibs&cluster=4422636660294118112&btnI=1&hl=uk>.
2. Осуществление резолюции 2178 (2014) государствами, затронутыми действиями иностранных боевиков-террористов. Третий доклад Председателя Комитета Совета безопасности ООН, учрежденного резолюцией 1373 (2001) по борьбе с терроризмом от 29 дек. 2015 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.un.org/en/sc/ctc/docs/2015/N1545989_RU.pdf.
3. План действий ОБСЕ по поддержке гендерного равенства. Решение Совета Министров № 14/04. (MC.DEC/14/04 от 7 декабря 2004 года) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.osce.org/ru/mc/23298?download=true>.
4. Foreign Terrorist Fighters (FTF) Initiative. The Hague – Marrakech Memorandum on Good Practices for a More Effective Response to the FTF Phenomenon [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.thegctf.org/Portals/1/Documents/Framework%20Documents/A/GCTF-The-Hague-Marrakech-Memorandum-ENG.pdf?ver=2016-09-01-150615-977>.

5. Saltman E. Till martyrdom do us part? Gender and the ISIS phenomenon / E. Saltman, M. Smith // Institute for Strategic Dialogue. – 2015. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.strategicdialogue.org/publications/>.

6. Ким И.А. Женское участие в терроризме ? / И.А. Ким // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2006. – Том IX. – № 3. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.old.jourssa.ru/2006/3/2cKim.pdf>.

7. Перелигіна Р.В. Кримінологія насильства осіб жіночої статі : дис. ... канд юрид. наук : спец. 12.00.08 / Р.В. Перелигіна. – К. : Київський університет права, 2015. – 234 с.

8. Дронзина Т. У терроризма женский лик (результаты международного исследования) : [монография] / Т. Дронзина. – Астана : Книжная серия журнала «Международные исследования. Общество. Политика. Экономика», 2011. – 236 с.

9. O'Rourke L. What's special about female suicide terrorism? / L. O'Rourke. // Security Studies. – 2009. – № 18. – P. 681–718. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.google.com.ua/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&cad=rja&uact=8&ved=0ahUKewiEwOmct5DSAhWmDpoKHXlKb8wQFggrMAA&url=http%3A%2F%2F128.135.14.120%2Fpdf%2FORourke.pdf&usq=AFQjCNFQeAl4k8GhOVphtzpzpZnqiTrT1w>.

10. Адамова М.А. Женский терроризм в современном политическом процессе : дисс. ... канд. полит. наук : спец. 23.00.02 / М.А. Адамова. – Пятигорск : Пятигорский государственный лингвистический университет, 2007. – 166 с.

11. Speckhard A. Black Widows: The Chechen Female Suicide Terrorists / A. Speckhard, K. Akhmedova // Female Suicide Bombers: Dying for Equality / Ed. By Y. Schweitzer. – Tel Aviv : Jaffee Center for Strategic Studies, Tel-Aviv University, 2006. – 111 p. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [http://www.inss.org.il/uploadimages/Import/\(FILE\)1188302013.pdf](http://www.inss.org.il/uploadimages/Import/(FILE)1188302013.pdf).

12. Персональный сайт Энн Спекхард [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.annespeckhard.com/bride-of-isis.html>.

КЛАССИФИКАЦИЯ НАЛОГОВЫХ СПОРОВ, РАССМАТРИВАЕМЫХ В РАМКАХ АДМИНИСТРАТИВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА УКРАИНЫ

Диана ЦВИРА,

соискатель кафедры общеправовых дисциплин
Харьковского национального университета внутренних дел,
судья
Дзержинского районного суда г. Харькова

Summary

The article is focused on the research of the peculiarities of tax disputes arising in the process of interaction between taxpayers and the authorized state agencies in the field of taxation, and addressed within administrative proceedings of Ukraine. The author has analyzed scientific approaches and appropriate provisions of the current administrative legislation in regard to the semantic content of the category of “tax dispute”; has expressed own positions as for the formulation of the features of this concept. Particular attention has been paid to the classification of tax disputes on the following criteria: subject (the initiator) of the dispute; object of the dispute; the grounds of the dispute; content of tax relations, which contribute to the consideration of the dispute; types of taxes and fees.

Key words: tax, tax disputes, tax relations, administrative proceedings, appeal.

Аннотация

Статья посвящена исследованию особенностей налоговых споров, возникающих в процессе взаимодействия налогоплательщиков и уполномоченных органов власти в сфере налогообложения и рассматриваемых в рамках административного судопроизводства Украины. Проанализированы научные подходы и соответствующие положения действующего административного законодательства относительно смыслового содержания категории «налоговый спор», выражены авторские позиции к формулированию особенностей данного понятия. Особое внимание уделено классификации налоговых споров по следующим критериям: субъекту (инициатору) спора; предмету спора; основаниям спора; содержанию налоговых правоотношений, которые способствуют рассмотрению спора; видам налогов и сборов.

Ключевые слова: налог, налоговый спор, налоговые отношения, административное судопроизводство, обжалование.

Постановка проблемы. Современное состояние исследования, касающихся содержания и особенностей налоговых споров, в науке административного права Украины остается весьма критическим, учитывая роль и предназначение, которые имеют налоговые отношения в механизме правового регулирования всей налоговой системы. На сегодняшний день стремительно возрастает количество налоговых споров, о чем свидетельствует судебная практика их рассмотрения административными судами. С другой стороны, стабильность финансовых отношений, предупреждение и надлежащее разрешение налоговых споров является залогом осуществления необходимых для государства переплощений, эффективного внедрения европейских норм в сфере налогообложения. Именно поэтому финансово-правовое исследование налоговых споров в Украине является актуальным, учитывая

и то, что нормы, которые регулируют данные правовые отношения, довольно существенно претерпевают изменения и требуют новых точек зрения и научных подходов к знаниям в этой области. С целью упорядочения и систематизации знаний о налоговых спорах требует исследования классификация налоговых споров, рассматриваемых в рамках административного судопроизводства Украины.

Актуальность темы. Разумеется, как и любое правовое явление, и «налоговый спор», и «налоговые споры, рассматриваемые в рамках административного судопроизводства» были предметом изучения не только представителей административного процесса, но и специалистов в области финансового и налогового права. Среди таких представителей следует указать следующих ученых: А.А. Бандурку, Я.А. Берзанюка, И.Л. Бородина, Я.В. Греца, А. Ластовецкого, Д.Г. Мулявка, И.А. Пасичного,